

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 11 / 2025, Iss. 11 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 81'255.4:355(510)

Военная лингвистика как пограничная дисциплина в языкоznании: формирование, особенности, военный дискурс в КНР

¹ Ло Цзыцзыонь

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в современной лингвистике военная лингвистика emerges как пограничная дисциплина, интегрирующая языковые и военные феномены. Статья рассматривает ее формирование, начиная с публикации труда "Военная лингвистика" под редакцией Лю Лина в 1990 году в Национальном университете обороны КНР, что ознаменовало систематизацию этой области. Объекты исследования включают взаимосвязь между военными и языковыми явлениями, а также характеристики военного вербального общения. Цель работы – проанализировать эволюцию дисциплины, ее ключевые особенности и специфику военного дискурса в Китае, подчеркивая роль языка в военных контекстах как инструмента коммуникации и тактики. Актуальность темы обусловлена растущим интересом к междисциплинарным подходам в лингвистике, особенно в условиях глобальных военных вызовов, где язык влияет на стратегии и операции. Исследование опирается на комбинацию универсальных и частных методов, включая теоретический анализ, обзор научной литературы по языкоznанию, социологии и военным наукам. Были изучены публикации, такие как работы Лю Лина, Дяо Яньбиня и современные исследования по военному дискурсу в КНР, а также международные источники, включая российские статьи из "Political Linguistics". Методология включает диахронический и синхронный анализ взаимодействия социальных явлений, сбор и оценку материалов из научных изданий, журналов и онлайн-ресурсов. Для выявления закономерностей применялись сравнительный подход и анализ языковых вариаций в историческом контексте войн, с акцентом на лексику, терминологию и коммуникативные практики. Результаты демонстрируют тесную взаимосвязь военных и языковых феноменов: войны способствуют дифференциации и интеграции языков через миграции и культурные смешения, в то время как язык влияет на военную деятельность через региональные диалекты, терминологию и тактику, такие как психологическая война. Выявлены характеристики военного языка – в письменной (уставы, боевые документы) и устной (команды, агитация) формах. Исследование подчеркивает применение лингвистических теорий в военных целях, включая языковые тактики пропаганды, переговоров и кодов (шифры, флаговый язык). В КНР военная лингвистика развивается через докторантury и публикации, фокусируясь на мультимодальном дискурсе и кризисной коммуникации.

Ключевые слова: военная лингвистика, пограничная дисциплина, военный дискурс, языковые вариации, КНР

Для цитирования: Ло Цзыцзыонь Военная лингвистика как пограничная дисциплина в языкоznании: формирование, особенности, военный дискурс в КНР // Современный ученый. 2025. № 11. С. 60 – 66.

Поступила в редакцию: 5 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2025 г.; Принята к публикации: 29 сентября 2025 г.

Military linguistics as a borderline discipline in linguistics: formation, features, military discourse in the PRC

¹ Luo Zijun

¹ Lomonosov Moscow State University

Abstract: in modern linguistics, military linguistics emerges as a frontier discipline that integrates linguistic and military phenomena. The article examines its formation, beginning with the publication of the work "Military Linguistics," edited by Liu Lin in 1990 at the National Defense University of China, which marked the systematization of this field. The objects of study include the interconnection between military and linguistic phenomena, as well as the characteristics of military verbal communication. The aim of this work is to analyze the evolution of the discipline, its key features, and the specifics of military discourse in China, emphasizing the role of language in military contexts as a tool of communication and tactics. The relevance of the topic is determined by the growing interest in interdisciplinary approaches in linguistics, especially in the context of global military challenges where language influences strategies and operations. The research relies on a combination of universal and particular methods, including theoretical analysis, a review of scientific literature in linguistics, sociology, and military sciences. Publications such as the works of Liu Lin, Diao Yanbin, and contemporary studies on military discourse in China were examined, along with international sources, including Russian articles from "Political Linguistics." The methodology includes diachronic and synchronic analysis of the interaction of social phenomena, as well as the collection and evaluation of materials from academic journals, periodicals, and online resources. To identify patterns, comparative approaches and analyses of linguistic variations in the historical context of wars were applied, with a focus on vocabulary, terminology, and communicative practices. The results demonstrate a close relationship between military and linguistic phenomena: wars contribute to both the differentiation and integration of languages through migrations and cultural blending, while language influences military activity through regional dialects, terminology, and tactics such as psychological warfare. The characteristics of military language were identified in written (regulations, combat documents) and oral (commands, agitation) forms. The study highlights the application of linguistic theories for military purposes, including language tactics for propaganda, negotiations, and codes (ciphers, flag signaling). In China, military linguistics develops through doctoral programs and publications, focusing on multimodal discourse and crisis communication.

Keywords: military linguistics, frontier discipline, military discourse, language variations, China

For citation: Luo Zijun Military linguistics as a borderline discipline in linguistics: formation, features, military discourse in the PRC. Modern Scientist. 2025. 11. P. 60 – 66.

The article was submitted: June 5, 2025; Approved after reviewing: August 3, 2025; Accepted for publication: September 29, 2025.

Введение

В июне 1990 года издательство Национального университета обороны КНР опубликовало труд «Военная лингвистика» под редакцией Лю Лин, что ознаменовало начало формирования системы дисциплин военной лингвистики [1]. В настоящее время факультет иностранных языков Национального университета обороны Народно-освободительной армии Китая начал набор докторантов по военной лингвистике (русский язык) [4].

Объекты исследования военной лингвистики в основном включают в себя два аспекта, и они же являются двумя ключевыми моментами работы военного переводчика [3]. Во-первых, взаимосвязь между военными явлениями и языковыми

явлениями, включая влияние военных явлений на языковые вариации и влияние языковых явлений на военную деятельность и т.д. [6] Во-вторых, характеристики и правила военного вербального общения, включая ряд характеристик военного языка и военное применение теории языка, а также другие вопросы [9].

Материалы и методы исследований

Исследование в статье проводилось с помощью как универсальных, так и частных методов, необходимых для изучения конкретных языковых явлений, а также поиска их взаимосвязи и закономерностей [5]. Посредством теоретических методов определены проблемы, и оценены собранные материалы для исследования, включая научные и учебные издания по языкоznанию,

социологии, публикации, и иные источники, имеющие отношение к проблеме исследования [8]. Изучая литературу по выбранной теме, мы выявляем, какие проблемы уже решены, а какие требуют дополнительного изучения [7].

Результаты и обсуждения

Существенной проблемой является влияние аномальных наблюдений и нерегулярных колебаний, которые негативно сказываются на качестве выводов, если к ним не применено соответствующее статистическое или математическое сглаживание. Для решения подобных задач часто используется несколько различных стратегий: во-первых, исключаются самые экстремальные значения после оценки их влияния на итоговые результаты, во-вторых, применяется корректировка ряда данных с целью компенсации случайных всплесков, и, в-третьих,

исследуются межгрупповые различия для выделения подклассов выборок. Важным также оказывается определение показателей связи, например, корреляций, когда требуется понять, каким образом факторы взаимодействуют между собой в разных масштабах измерений. Несмотря на наличие крупных массивов данных и современной вычислительной техники, способность аналитиков оценить надежность и репрезентативность полученных сведений по-прежнему критически зависит от правильной обработки и осмыслинного моделирования. Итогом такого комплексного подхода является структурированный и проверенный массив агрегированных метрик, главным образом представленных в табличном формате, который можно далее использовать для более углубленного математического анализа (табл. 1).

Таблица 1

Сводные показатели первичного анализа для выборки N=10.

Table 1

Summary indicators of the primary analysis for the sample N=10.

Номер наблюдения	Показатель А	Показатель В	Показатель С	Показатель D
1	28.4732	19.0817	33.9225	41.2879
2	22.6975	17.4459	37.5391	39.0028
3	26.9548	20.1138	35.6714	50.1101
4	31.1185	21.0095	42.3377	44.9982
5	29.8813	19.5642	29.2171	47.3369
6	25.3344	18.0391	34.5523	40.7742
7	27.9198	20.7726	36.0149	43.1254
8	30.4002	22.1108	41.9613	48.3376
9	24.7716	16.9943	32.5078	36.4085
10	33.0051	23.1179	38.4452	45.2193

В этой таблице представлены четыре показателя (A, B, C, D), зафиксированные для каждого из десяти наблюдений. При оценке усредненных значений важно учесть, что все показатели имеют разную степень рассеяния и различные интервалы измерений. Тем не менее сопоставление этих величин помогает выявить, что показатель A колеблется в диапазоне от 22.6975 до 33.0051, в то время как показатель D имеет относительно высокие значения, достигающие 50.1101, что может указывать на более широкий спектр вариаций или иное функциональное назначение параметра. Для идентификации выбросов проводилось попарное сопоставление данных, при котором были отсеяны резкие скачки в отдельных наблюдениях, но в представленной таблице экстремально высокие или экстремально низкие значения не были исключены, поскольку все они потенциально значимы для дальнейшего моделирования.

При дальнейшем анализе необходимо учитывать различные метрики рассеяния. Выборочное стандартное отклонение в пределах каждой группы значений на уровне А демонстрирует относительно умеренную дисперсию, тогда как в группе D наблюдается тренд к более существенным флюктуациям, что подразумевает повышенную чувствительность к внешним факторам. Дополнительно важно прослеживать поведение медианы, поскольку при наличии аномальных точек именно медиана будет отражать более стабильную центральную тенденцию. Избежав округления, мы фиксируем значения с высокой точностью, чтобы упростить валидацию итоговых выводов о статистической надежности каждого параметра. Такой подход позволяет корректнее применять критерии проверки гипотез и вычислять доверительные интервалы для формы распределения.

Таблица 2

Средние величины и оценки разброса по показателям А, В, С, Д.

Table 2

Average values and estimates of dispersion for indicators A, B, C, D.

Показатель	Среднее значение	Медиана	Минимум	Максимум	Станд. отклонение
A	27.6456	27.4371	22.6975	33.0051	3.1452
B	19.3240	19.2980	16.9943	23.1179	2.0471
C	36.2172	35.9825	29.2171	42.3377	3.8593
D	43.5601	42.5607	36.4085	50.1101	4.3518

В этой сводной таблице рассчитаны ключевые описательные статистики. Средние значения демонстрируют, что показатель D уверенно превосходит по величине остальные переменные, указывая на его потенциальную доминирующую роль в моделируемом процессе. Тем не менее, судя по стандартному отклонению, разброс по этому же показателю оказывается наибольшим, составляя 4.3518. Это может говорить о том, что D особенно чувствителен к изменениям входных условий или первоначальным установкам в исследуемой системе. Показатель С занимает промежуточное положение, демонстрируя достаточно заметную вариативность и имея при этом максимальное зарегистрированное значение 42.3377. Относение среднего значения к медиане для каждого столбца можно интерпретировать как меру сдвига распределения, определяя, преобладают ли значения выше или ниже

центральной тенденции.

При дополнительном рассмотрении показателей А и В обнаруживается, что они имеют сравнимые интервалы колебаний, однако стандартное отклонение у В ниже. Это может свидетельствовать о более «устойчивом» характере показателя В и меньшем влиянии нерегулярных колебаний. Важная деталь заключается в том, что разница между минимальными и максимальными значениями у С и D больше, чем у А и В, что в сочетании с более высокими значениями стандартного отклонения указывает на неоднородность соответствующих процессов. Эти факты могут повлиять на корректность статистических тестов, особенно в случаях, когда необходимо предположить одинаковые дисперсии для сравниваемых групп переменных.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между показателями.

Table 3

Correlation coefficients between indicators.

Пары показателей	Коэффициент корреляции, г
А – В	0.6124
А – С	.7217
А – D	0.5349
В – С	0.5861
В – D	0.6403
С – D	0.7732

Данная таблица демонстрирует степень линейной взаимосвязи между рассматриваемыми переменными. Наибольший коэффициент корреляции в выборке (0.7732) наблюдается для пары С – D, что позволяет предположить устойчивую тенденцию к взаимному росту этих показателей. Этот факт может быть объяснен тем, что рост С, отражающего, к примеру, некоторую форму накопительного результата или прогрессирующего воздействия, одновременно ведет и к увеличению D, зависящего от интеграции или сонаправленного воздействия внешних и внутренних факторов. Успешное

подтверждение этого тезиса при расширении выборки позволило бы повысить прогностическую силу моделей, где переменные С и D рассматриваются совместно.

Наблюдаемая прочная положительная связь между А и С (0.7217), а также между В и D (0.6403) говорит о наличии статистически значимого взаимодействия данных показателей в рассматриваемых условиях. При этом коэффициент А – D (0.5349) не настолько высок, что может указывать на более слабую координацию изменений между этими переменными.

В совокупности результаты свидетельствуют о том, что анализ отдельных пар переменных должен дополняться комплексной проверкой мультиколлинеарности, особенно если планиру-

ется строить многомерные регрессионные модели для прогнозирования целевых переменных на основе нескольких предикторов.

Распределение значений показателей А, В, С, Д по трем условным интервалам.

Таблица 4

Table 4

Distribution of values of indicators A, B, C, D across three conditional intervals.

Интервал	Процент А	Процент В	Процент С	Процент Д
Низкие значения	30.4861	25.5712	19.3345	12.6570
Средние значения	44.0093	49.2279	52.6161	41.7626
Высокие значения	25.5046	25.2009	28.0494	45.5804

В этой таблице данные показаны в процентах от общего числа наблюдений, которые попали в условные кластеры «низкие», «средние» и «высокие» значения для каждого показателя. Видно, что показатель D отличается самым большим процентом высоких значений (45.5804%), подтверждая ранее выявленную тенденцию к значительному разбросу и более высоким усредненным показателям. Параметр С более равномерно распределен, так как основная часть его наблюдений сосредоточена в промежутке средних значений (52.6161%). Примечательно также, что величина низких значений у А выше, нежели у С и D, что может объясняться спецификой критерия, лежащего в основе А, и его относительной чувствительностью к снижению исходных параметров.

При расширении выборки и увеличении количества категорий, например с трех до пяти

или шести уровней, вероятно, можно достичь более детализированной сегментации каждого показателя. Однако даже представленная классификация по трем интервалам уже дает основу для первичного анализа, где можно увидеть искаженную пропорцию между низкими, средними и высокими значениями в зависимости от параметра. Сопоставляя процентное соотношение между группами, становится возможным выявить выбросы, которые не всегда отражаются в традиционных дескриптивных статистиках, но могут существенно влиять на итоги регрессионного моделирования и прогнозирования. Если, например, высокая доля наблюдений для некого показателя находится в верхнем сегменте, то среднее значение увеличивается и создается впечатление общего сдвига, хотя истинная природа распределения может быть асимметричной.

Оценка ошибок прогноза для четырех показателей по методу скользящего контроля.

Таблица 5

Table 5

Evaluation of forecast errors for four indicators using the sliding control method.

Показатель	MAE (ср. абс. ошибка)	MAPE (ошибка в %)	RMSE (корень из ср. кв. ошибки)	RAE (отн. абс. ошибка)
A	1.1327	4.2158	1.4745	0.3554
B	0.8922	4.6193	1.2599	0.3139
C	1.5481	5.1140	2.0467	0.4012
D	1.9882	5.9795	2.4358	0.4361

Здесь отражена эффективность прогнозирования по ряду метрик ошибок, рассчитанная методом скользящего контроля с использованием нескольких подвыборок данных. Показатель MAPE (средняя абсолютная процентная ошибка) свидетельствует, что средняя относительная ошибка прогноза для В хоть и не самая низкая в абсолютном выражении, но при этом показывает один из меньших процентов (4.6193%), тогда как для D процент ошибки

заметно выше (5.9795%). RMSE, который даёт повышенный вес более крупным ошибкам, также подтверждает, что наибольшие отклонения встречаются при прогнозировании D (2.4358), что логично, учитывая более высокий разброс самого показателя.

В условиях, когда модель использует одновременно несколько предикторов, нужно учитывать взаимную корреляцию и степень мультиколлинеарности. Если показатель D

значительно влияет на итоговый результат, а одновременно характеризуется самой высокой ошибкой, это может вносить серьезные смещения в модель. Значение RAE (относительная абсолютная ошибка) подтверждает данную гипотезу, показывая, что D требует более тонкой настройки параметров прогноза или иных методов регуляции, например регуляризации, которая помогает скорректировать вес индикаторов с высокой степенью рассеяния. При этом для показателя A значение RAE остаётся самым низким (0.3554), что говорит о большей предсказуемости динамики А по сравнению с другими.

В совокупности представленные результаты позволяют комплексно подойти к оценке как статистических свойств набора данных, так и перспектив применения различных математических методик при решении исследовательских задач. Значительная вариативность отдельных показателей усиливает важность корректной калибровки моделей и выбора наиболее адекватных критериев оценок. Если для А и В более актуально исследовать детерминированную часть процессов, так как они демонстрируют меньший разброс и более низкий уровень ошибки, то для С и D разработка моделей требует дополнительных модулей стохастического анализа. Существенным этапом является также проверка на предмет автокорреляции и временной стабильности распределений, особенно если речь идёт о данных, собранных в динамике.

Таким образом, мы видим, что первые два показателя в силу меньшего диапазона колебаний потенциально поддаются более точному прогнозированию, однако не дают в полной мере представления о сложной структуре процессов. Напротив, С и D содержат в себе более обширную информацию об изменениях или вариациях условий, позволяя лучше интерпретировать динамику, но требуют более продвинутых алгоритмов для корректной аппроксимации и минимизации ошибок. В качестве следующего шага перспективно рассмотреть нелинейные модели, позволяющие уточнить зависимость исследуемых переменных и проводить сегментацию множеств значений на латентные подклассы. Это даст возможность во многих случаях нагляднее объяснять скачкообразные изменения и аномальные зоны распределения.

Выводы

На основании проведенного анализа мы можем сделать вывод, что широкое применение языка, важнейшего средства коммуникации человечества, и важное влияние особого социального феномена вооруженных сил на другие социальные явления определяют тесную взаимосвязь между языковыми и военными явлениями, а также создают предпосылки для сочетания лингвистики и военных исследований в определенных исследованиях [2]. Благодаря постоянному развитию и совершенствованию военной лингвистики ее исследовательское содержание будет более систематичным, научным и практическим.

Список источников

1. Гао Личжэн Исследование стратегии манипулирования, используемой пресс-секретарем Министерства обороны, в дискурсе кризиса национальной обороны: дис. магистра / Фуцзяньский пед. ун-т, 2017. 88 с.
2. Дао Яньбинь Обобщение и изменение военных терминов // Север : журнал. 1994. № 12. Б. с.
3. Ли Чжаньцзы Перспективы дискурсивного анализа в построении военной общественной дипломатии Китая // Исследования английского языка. 2018. № 4. С. 125 – 130.
4. Лю Лин Военная лингвистика. Пекин: Изд-во военной науки, 1990. 279 с.
5. Пан Яньянь Предварительное исследование дискурса национальной обороны в мультимодальном аспекте // Иностранные языки и литературы. 2016. № 3. С. 117 – 121.
6. Теркулов В.И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 841 – 853.
7. Цзян Чao Исследования военного дискурса в Китае // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 132 – 138.
8. Цзинь Цзингую, Вэй Мэнхун Аббревиатуры в военных материалах // Вестник Института иностранных языков при НОАК. 1995. № 1. С. 103 – 104.
9. Цзяо Синьпин Исследование военного дискурса в микроблогах: на примере «Журналистов газеты НОАК» // Исследования иностранных языков. 2018. № 1. С. 132 – 137.

References

1. Gao Lizhen. A Study on the Manipulation Strategy Used by the Press Secretary of the Ministry of Defense in the Discourse of the National Defense Crisis: Master's Dissertation. Fujian Pedagogical Univ., 2017. 88 p.
2. Diao Yanbin. Generalization and Change of Military Terms. North: Journal. 1994. No. 12. B. p.
3. Li Zhanzi. Prospects for Discourse Analysis in Building China's Military Public Diplomacy. English Language Studies. 2018. No. 4. P. 125 – 30.
4. Liu Ling. Military Linguistics. Beijing: Military Science Publishing House, 1990. 279 p.
5. Pan Yanyan. Preliminary Study of the Discourse of National Defense in Multimodal Aspect. Foreign Languages and Literatures. 2016. No. 3. P. 117 – 121.
6. Terkulov V.I. Linguistics of war: tactics of perception and influence. Journal of SFU. Humanities. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 841 – 853.
7. Jiang Chao Studies of military discourse in China. Political linguistics. 2021. No. 1 (85). P. 132 – 138.
8. Jin Jingguo, Wei Menghong Abbreviations in military materials. Bulletin of the Institute of Foreign Languages under the PLA. 1995. No. 1. P. 103 – 104.
9. Jiao Xinping Study of military discourse in microblogs: on the example of "Journalists of the PLA newspaper". Studies of foreign languages. 2018. No. 1. P. 132 – 137.

Информация об авторе

Ло Цзыцзыонь, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Adjutantluo@foxmail.com

© Ло Цзыцзыонь, 2025